

а.в.в.еличанский

ПОМОЛВКА

ПОМОЛВКА
(несостоявшийся роман)

1976 –1977

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОМЕТЕЙ"
1990

"Я хочу найти успокоение
в мысли, что люблю тебя"

С.Киркегор

"Тварь, которая обладает наименьшими
свойствами твари, наименее знает боль"

Майстер Экхард

"My couscience hath a thousand several tongues,
and every tounge brings in a several tale,
and every tale condemus me"

W. Shakespeare

В одной скандинавской сказке повествуется о камне-провидце, которым пользовался некий принц при выборе невесты: стоило претендентке ступить на этот камень, и он тотчас сообщал принцу всю ее подноготную.

Но человек, согласно воплям Иова, не обладает силою камней.

Далее в двух словах – та тема, которая, в сущности, не имеет почти никакого отношения к этой книге стихов. Серен Киркегор полюбил Регину Ольсен и был помолвлен с ней. По никому не известным причинам он разорвал затем помолвку, в чем и отчаивался до конца своих дней. Это, разумеется, легенда.

Об этой легендарной помолвке и пойдет речь. Выбор темы, равно как и отступления от нее, связаны с весьма оригинальным отношением жениха к невесте – он формулировал его так: "Моя помолвка с ней и разрыв – есть подлинно моя связь с Богом, если я смею так выразиться".

Киркегор подготовил к печати 14 томов своих дневников. Это дает исследователям основание полагать, будто бы он не хотел скрывать от потомков своей биографии. Сдается, однако, что этот факт свидетельствует как раз о желании тщательно скрыть ее. Сам Киркегор утверждал, что "человек может многое скрыть от ближнего, либо смолчав, либо – еще вернее – высказавшись". С другой стороны Киркегор был убежден в необходимости и неизбежности будущего изучения обстоятельств его личной судьбы, которую считал выражением и основанием своего учения. Очевидно, инте-

ресующимся подлинной биографией этого мыслителя следует обращаться, скорее, к 14 томам его "эстетических" и даже "этических" произведений, а не к 14 томам дневников и уж тем более не к отвлеченной лирике, составившей эту книгу.

Лев Шестов однажды заметил: "Легко можно допустить, что Киркегарда в его поустороннем бытии больше всего тяготит и угнетает мысль, что он не имел мужества сам при своей жизни прямо в глаза людям поведать свою тайну, и что если бы нашелся человек, который теперь разгадал бы его тайну и показал людям, он снял бы этим огромное бремя с души покойного".

Ни о чем подобном автор нижеследующих стихов не помышлял.

Остается только добавить, что "Киркегор" и "Киркегард" — одно и то же. "Киркегор" точнее, но это безразлично, потому как **ВСЕ ПОДЛИННЫЕ ИМЕНА В ТЕКСТЕ ВЫМЫШЛЕНЫ.**

1.

Близ слез, близ вереска, близ чаек
стояла церковь, и ее –
ее, бывало, посещали,
но бури делали свое:
сползались дюны все теснее,
порос песком прибрежный храм –
рассталась церковь с бурным небом:
Бог стал доступен лишь пескам.

2.

Обкатанный веками –
почти что невесом –
я – говорящий камень,
который знает все.
Но все бормотанье,
уж лучше б был я нем:
заветнейшие тайны
как раз известны всем.

3.

Всю жизнь я бился слепо
с преджизненной тьмой:
был каждый миг – последний,
ужасный, чуть живой:
вот так младенец в туне,
но все-таки живет
и жизни накануне
толкается в живот.

4.

Себе ли, мне во благо –
но не снеся вериг –
отец мой проклял Бога
и утрашился вмиг.

Пастух, мальчишка жалкий
с проклятьем на устах,
он дал мне мать-служанку
и свой могучий страх.

5. (МИХАИЛ КИРКЕГОР)

Плач. Овечий благовест.
Холм, как правда, голый.
Рук его нательный крест
опустился долу.
Был подпаском мой отец,
стал – мудрец кромешный,
и одною из овец
стало в стаде меньше.

6.

Когда еще в утробе
умру я, мой отец
сам смастерит мне гробик
из годовых колец,
сам выкопает ямку,
ее засыпет сам
и крестиком, как якорем,
прикрепит к небесам.

7.

Ты родился старцем
и юношей не стал –
оттого остался
мальчиком навечно –
мальчиком измученным:
затравленный оскал,
лба отвесна круча
и гордость изувечена.

8.

Здоровья слепота
ему едва приснилась.
Я думаю о том,
как безысходность ДЛИЛАСЬ.
Не камень, не металл –
чем ты платил ущербу –

к запретным ли плодам,
к греху ли – отвращеньем?

9.

Он рос среди смертей,
среди последних слов.
Целуй, малыш, смелей
сестрицу в руку, в лоб.
Отравлен на всю жизнь
он той отрадой тайной,
которая вершит
кончины ожиданье.

10.

В доме мрачном, сиротливом
ты одна была смешлива,
ты одна была невинна –
их презреньем, Анна Лунд,
ты совсем не тяготилась,
не звала ты Божью милость
на их гнев – отца и сына
ты звала к столу.

11.

Безгрешный патриарх,
напившись, словно Лот –
руки неверный взмах –
к столу сынка зовет,
с ухмылкой бредовой
бормочет: "Выпей. На.
Я Анну-то. В кладовке.
Чуть умерла жена.
Где братья твои? Померли.
И доченьки. И ты
помрешь за это. Понял?
Останусь я один –
один! Эй, Анна, портеру!
Что? Умерла?.. Кретин!"

12.

Мой единственный сын,
знай: ты скоро умрешь –

плод бессильных седин,
плод грехов моих, знай:
Бог – Он вправе отнять
всё, что даровал... Что ж,
ты к Нему от меня –
с Богом, с Богом – ступай.

13.

В кондитерской пахнет
ванилью слегка.
И молодость как-то
постыдно сладка:
грешно или страшно,
но вспомнишь не в лад:
лохматая чашка,
и в ней – шоколад.

14.

На кружке глиняной, пивной,
на старой кружке обливной,
как с милою подружкой,
изображен я с кружкой –
всё с той же кружкой, и на ней –
я снова с кружкой – ей-ей –
и снова мы – на кружке...
и нет конца пирушке.

15.

Любовь остынет.
Страшно остывать.
Живи отныне
ненавистью, сын мой.
Ведь только Каина
невместно убивать...
Зло привлекательно,
поскольку **НЕНАСЫТНО**.

16.

Какой студентик, Марта,
сегодня был со мной –
красавчик незамаранный
и пьян, видать, впервой.

То весь трясется жадно,
то плачет обо мне,
а сам в таком шикарном
голландском полотне.

17.

Как мы пели
тогда в апреле:
"Шлеп-шлеп – в лужу –
и мозг наружу!
шлеп-шлеп – в яму –
и новый явлен!" –
капли, пули
страстной капели.

18.

Я застрелился, Мёллер,
во сне, но наповал.
О, я боялся мертвым
проснуться. Долго спал.
А как-то перед Пасхой –
весна, куда ни глянь –
приснилось мне шампанское,
и я проснулся пьян.

19.

Весною тают ангелы.
Как лихорадка, сух
и вязок, словно тайна –
тополиный пух
ползет, клубится, носится –
пролаза, вертопрах –
он раздувает ноздри,
он весь – ресниц размах.

20.

Бор тяжелый, непрощенный
в пористом поту.
Бор лучами перечеркнут:
о, не возмоготу!
о, не возмоготу мне, Отче! –
елей этих мрак –

то воспоминаний корчи,
то стыда столбняк.

21.

Явился в свете с дамой.
Вся в черном. Холодна.
Всегда темна, нежданна.
И даже с ним – одна.
И он ее за холод
приревновал к отцу...
Но Черной Меланхолии
все почести к лицу.

22.

Опера. Фонарный жемчуг.
Вырезы манишек. Тел.
Вечером у встречных женщин –
что ни личико – пробел:
чепчиков шальные ленты,
кудри обрамляют ту
вечную, поди, мечту
столь же "вечного" студента.

23.

Пигмалиону тесно
в безумии своем:
"Ведь изваянья девственны,
как Артемида – в том
сомнений нет хотя бы –
чистейший мрамор..." – хватъ –
и мраморную бабу
он валит на кровать.

24.

Красавица без взора
из бедер восстает.
Она не слышит зова –
оставь, оставь ее:
не хочет изваянье
быть теплым и живым –
страшит кончины яма
и увяданья дым.

25.

Ратушка и звон ее.
Замок и казарма.
Господин и зонтик.
Дама. И над замком –
птица. О, проклятье! –
брызги экипажа.
Ситцевое платье.
Роза у корсажа.

26.

Дюргавен. Надулись
кругом балаганы.
Ютландки к прогулкам
вас располагали:
служанка прелестна,
дика, словно мёд...
к ней черная лестница
ночью ведет.

27.

Все спит средневековым
полузабытым сном.
На чердаке рискованном
ты думаешь о нем –
о сне – о непроглядном,
но красочном на вид...
А рядом изваяние
разбитое храпит.

28.

Свобода пустынной
воскресного дня.
Ступайте же, сын мой,
хоть в сад Фридрихсбергский:
насколько свободней
девицы хотя б
из Новой Слободки
всех помыслов детских.

29.

– Всё же все они кривляки,
милый Иоган...
Что за фрак! Такие фракы
впору старикам.
Верно, ты другого мненья –
ты ж – натуралист.
Впрочем, я в виду имею
девственных девиц.

30.

Кровосмешенье истин
чревато вырожденьем.
И вместе ненавистны –
магометанский стан,
языческие плечи,
ветхозаветно тлеют
на христианском личике
томления уста.

31.

Краса короче ленты,
и сроком миг томим –
и вот металл нетленный
причудам женским мил:
как черный яд Изоры,
оправлены они –
причуды – в солнце золота
иль в серебро луны.

32.

Друзей своей погибели,
доверчивых дружков –
о, кто бы они ни были –
он предавал легко:
ОН ИЗВАЯЛ ИХ ЯЗВЫ,
искусством упоен,
чем урезонил ясно
свои сомненья он.

33.

Умер Польш –
учитель, друг.
Словно моль,
душа крылата.
Мир, что гол,
велик вокруг –
словно горе,
лжив и краток.

34.

Разверни деревьев свитки
и уверишься, что, мол,
для того лишь, чтобы ветки
зря тянулись к жизни ветхой,
нужен мощный ствол.

35.

Но вот встрепенулись
и грудь, и живот,
раздвинулись ноги,
полуоборот
чела оставляет
свой точный наклон –
бери свою статую,
Пигмалион.

36.

Оживает Галатея.
Полон взор игрой.
Волосы покрыли тело
мраморное. Кровь
загорелась в камне щуплом –
волен монолит...
С отвращением на чудо
каменщик глядит.

37.

"Отец Небесный,
благодарю
Тебя за бездну,

куда я брошен –
так нужен веку
мой рок, мой труд,
что, как калека,
отвержен, Боже".

9.7.1863

38.

Отец мой – подпасок,
посмертный пацан,
ты проклял не паству,
ты проклял Творца,
а я колокольчики
тесных овец,
все злей и настойчивей
слышу, отец.

39.

Умри. Пора.
Не станет плакать
твой сын отрадный
о, Иаков –
ты не иссяк,
ты столь же прочный:
в твой смертный страх
я спрячусь, Отче.

40.

Кокетливы, как девы,
могилы молодые:
среди жизни полудневной
они укромней дива:
среди цветов и пеня
до ослепленья в плоть
глядим мы откровенно
на их нагую плоть

41.

*"Бог хочет, чтобы я готовился
к экзаменам"*
С.Киркегор

...И тень отца, поскольку надо,
на время выскользнув из ада,
слетала в помыслов подвал,
едва ты кофе допивал.
И тень отца, пугливый Гамлет –
не убивать, не мстить врагам, нет –
сдавать очередной предмет
вела тебя на факультет.

42.

Судьба податливее воска
и в камень не вогнать судьбу –
но умерев, застыв, авось мы
сокрылись от нее в гробу.
Но нет – неистовее мозга,
податливее гордых дев,
судьба потомкам отдается
и в смертном сне окаменев.

43.

Тяжела вязанка дров.
Ужасает дрожь.
И родитель мой суров,
как огонь и нож.
И когда – белей, чем страх, –
ждала пустоты,
вдруг, запутавшись в кустах,
появилась ты.

44.

Влюби в себя первую
зябкую зелень,
влюби в себя пенье
заутренних птиц,
влюби в себя утлого

солнца веселье
над кровлями улиц,
церквей и больниц.

45.

Мы встретились в мае.
Была я мила.
Подружки внимали
его мракобесью.
Он был очень мил,
когда из-за угла
мой отблеск ловил он
в саду Фридрихсбергском.

46.

Голос низок,
а грудь высока.
Дерзкий вызов
от робости детской.
И за каждым
биеньем виска –
столько жажды
и юности тесной...
столько жадности наверняка.

47.

Еще одна весна течет.
Несет куда-то отраженья.
И отчего я жив еще –
давно назначенная жертва? –
не оттого ль, что молода
твоей, Регина, страсти поступь?
Всевидящая нас вода
глядит нам вслед великопостно.

48.

Лист, раскаленный добела:
она у чайного стола,
я – на диване, видит Бог,
она – у чайного стола
(и где-то здесь она спала),

я на диване – и листок
уже исписанный дотла.

49.

Отвага без усилия,
без мысли... Видит Бог,
сама, как мысль, красива и
правдива, как подвох.
Всегда куда-то прячется,
скользит из-под пера...
Притворное ребячество –
не детская игра.

50.

Был в сумерках февраль, и –
Регина всех милей.
Еще не зажигали
старинных фонарей.
Но крошечный фонарщик
нес лестницу свою,
поскольку всё иначе
у ночи на краю.

51.

Как море белокурое,
быть может, глубока –
о том узнаю скоро,
не ведаю пока.
Но ветра солонина,
но рыбное филе...
Я говорю: Регина
всех помыслов милей.

52.

Темна моя келья,
хоть Бога моли.
Отсюда лакеи
записки мои
несли тебе глухо
и слепо... Но нет –
из кельи ни звука
не вышло на свет.

53.

О, еще раз напиши мне –
сладостно придумай всё –
из-за выдуманной ширмы –
выдуманное лицо.
Напиши мне полной грудью,
не вверяй себя уму –
ведь самой же слаще будет,
чем тщеславыю моему.

54.

Лицом в отца.
В мамашу ростом.
Черты родства
сродни сиротству.
Единственная, будь одна! –
по мне утратить ты должна
с собою собственное сходство.

55.

Была ко мне
добра... и зла.
А что больнее? –
это смежно,
как алый пыл
и с ним – зола.
Я не забыл ей
ни насмешки.

56.

Забыта первая гордыня.
Жалеть о жалости ко мне
ее заставил я, – отныне
гореть тебе в моем огне! –
я победил неотразимо.
Вослед моей насмешке злой
вдоль щек сбежали две слезы, но
я не поверил ни одной.

57.

Молчит. Дичится:
учится молчать.

Такого чистого
не прочитаешь взора.
Офелия:
не женщина, не мать —
лишь дочь умелая,
послушница отцова.

58.

Нет, я — не Офелия —
я не раба
лишь брачной постели
да чести постылой —
не бойся, любимый,
не мучай себя,
а просто люби меня,
милый.

59.

Я расту, как корабль,
приближаясь к причалу,
но когда б, но когда б
ты узнала, что я
остаюсь изнутри
тем, чем мнился сначала —
той же точкой — смотри —
на краю бытия.

60.

В тот раз принес я розы
роскошные. Она
вдруг — обернувшись — просто:
"Зачем я ждать должна?"
Но я скорей убил бы,
чем взял ее вот так.
И бросив, позабыла
невеста о цветах.

61.

Не навязывалась. Нет.
Хоть и сдерживать не стала б.
Отведите ваш лорнет —
лгал он с самого начала.

Лгал и, главное, не вам –
лгал себе витиевато –
лживо жаждал, ревновал,
лживо сгинул без возврата.

62.

Был мужествен, силен, жесток,
когда отверг, как трус, я
и взора первого исток,
и слов последних устье,
мольбу ко мне простертых рук,
порочную готовность
на все пересеченья мук –
бесчестье, счастье, гордость.

63.

Ты, наверное, из тех,
кто не размыкает век,
а уста разъяты
в паузах объятий,
чей почти беззвучен крик
среди плечей незрячих-
ты из тех, кто плачет
в этот миг.

64.

Слоенные постели.
Восторги со слезой.
И приступы истерики
как раз перед грозой.
И ласки не ко времени.
И голод в бездне глаз.
Обеденные бредни.
Все это – не про вас.

65.

Я блудный сын грехов отцовых –
в наследство мне
досталась чопорная совесть
(но лишь извне).
Как Иов сказывал недужный
(но лишь извне):

мое дыханье было б чуждо
моей жене.

66.

Вот так он мучится: неужто
мое дыханье будет чуждо
моей жене... мое дыханье
ей будет чуждо!.. Не вникает
она в мой горний мир – нет нужды:
пускай дыханье будет чуждо
невесте брошенной – о, да:
вражда естественно чужда.

67.

Представьте себе, как Гамлет
нарочно чулки спускает,
кривясь и суча ногами,
жилетку рвет, сжавши зубы,
чтобы бежать к Офелии,
встречных датчан пугая –
так они и поверили,
что он влюблен безумно.

68.

Когда тебя я предал,
был август в небесах,
тлетворно солнце грело
теплей... теплее пледа,
в окно алели кроны
деревьев... Я писал
работу об иронии –
еще одна победа.

69.

ЗАПИСКА РЕГИНЕ ОЛЬСЕН
ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ
ОБРУЧАЛЬНОГО КОЛЬЦА

"Коль пришлют Вам на Востоке
шелковый шнурок –
адресата ждет жестокий
непременный рок.
Коль пришлют кольцо Вам, видит

Бог, жестокий рок
бережливый отправитель
для себя сберег..."

11.8.1841

70.

ЗАПИСКА, ОСТАВЛЕННАЯ РЕГИНОЙ
В ПУСТОЙ КВАРТИРЕ КИРКЕГОРА,
КУДА ОНА ПРИБЕЖАЛА,
ПОЛУЧИВ КОЛЬЦО
И СООБЩЕНИЕ О РАЗРЫВЕ

Ради Господа Бога,
ради скорби глубокой
о кончине отца,
не оставь, не оставь,
не оставь меня жалкую,
не отдай меня им –
ИХ ВЕДЬ НЕТ... Ну, пожалуйста,
не останься один.

71.

Ужели миновала
пора метаморфоз?
Приходит время жалоб,
приходит время слез.
Невзрачным будет горе –
необходимо, чтоб
ты превратилась вскоре
хотя б... в гелиотроп.

72.

Не спит, не спит Полоний
в полночном колпаке:
недостойно стонет
дочь невдалеке.
И холодно ногам его.
И ненавистен зять.
Отцовской тенью Гамлета
отцу не запугать.

73.

ПИСЬМО СОВЕТНИКА ОЛЬСЕНА

"Сёрен, я стар и горд,
просить мне не пристало,
но ради всех невзгод
постигших род твой, все ж
униженно молю
за юность и за старость:
помилуй дочь мою!
за это всё возьмешь.
...Всю ночь я слушал, как
она всю ночь рыдала –
она наверняка
умрет, Сёрен, она
рабою станет впредь
всех прихотей усталых
твоих... Мне ль говорить!
Но в чем ее вина?..
Вы, сударь, слово сдержите и на
Регине женитесь!"

74.

Плечи ее –
это плач во плоти.
Волосы льет
горячее, чем слезы.
Груди – томлением
собранный мед:
медленный,
разноголосый.

75.

Жаль, что разрыва стены,
любимая, крепки –
и не коснуться стона,
не дотянуть руки
до слез, до содроганий,
до жалких поз без сил –
каким бы состраданьем
тебя я одарил.

76.

Ты и вправду
желал моей смерти!
Ты бы рад был,
гордился б, таясь.
Он и вправду
и вправду, поверьте!
лишь за совесть опрятно
страшась.

77.

Я – клятвопреступник.
Подайте сюртук.
Немая прислуга
приятна на слух.
Живет мое тело
лишь тленьем стыда...
Но не без предела
и ты молода.

78.

Начнем историю с конца
печального, конечно:
два несомкнувшихся кольца,
извечных два колечка –
невенчанной невесты взор,
как от удара, сжался,
жених о качестве рессор
судачит в дилижансе.

79.

Дождичек просушенный.
Пепел от огня.
Убежал мой суженый
прямо от меня.
Чайкою, отчаянье,
долети до неба.
Утоли печали мои,
Пресвятая Дева.

80.

Пора Эриний гончих.
Осенняя пора.
Суть меда в его горечи —
давно понять пора.
Пора со всем покончить
немедленно! сейчас!
Пора Эриний гончих
среди обнаженных чащ.

81.

Он убежал невинно
из клятвы, из страны
не от тебя, Регина,
а от своей вины.
Но этой паутины
не одолеть ему:
он не любил, Регина,
тебя, тебя одну.

82.

Утром озираются
зори в изумленьи,
кровью хлынув разом
к измененьям дня.
Вечером, как будто
после преступленья,
озираться будут
зори, уходя.

83.

Бесстыдная боль —
ей пора за дела.
В Берлине мне столь
анонимно, что впору
забыться... в бесстыжих
затеях пера:
усилье — и дышат
бумажные поры.

84.

Усталости падаль.
Догадок нагар.
Но вечером, падая,
всё ж – в балаган –
из комнатной вечности,
взвинченных фраз –
в берлинского вечера
каменный фарс.

85.

Вот: СПРЯТАТЬСЯ В ИСТИНЕ,
В СВЕТЕ! – сто крат
темней, чем в укромном
местечке.
Ночные, мучнистые
бабочки мчат
в бескровное
жжение свечки.

86.

СНЕГ – ЗВЕЗДОПАД КОЛЮЧИЙ,
СНЕГ ЧЕРНЫЙ, СЛОВНО ТУЧА,
СНЕГ БЕЛЫЙ, КАК ВЕСТАЛКА,
НЕВИННЫЙ, КАК ПРОБЕЛ,
СНЕГ ЛЕГКИЙ, СЛОВНО КРЫЛЬЯ,
СНЕГ, КАК ПАДЕНЬЕ, СКРЫТНЫЙ,
СНЕГ ПАДШИЙ, СЛОВНО АНГЕЛ,
К НАМ В ДАНИЮ СЛЕТЕЛ.

87.

Забуду взор, забуду прядь
через горячий лоб,
чтобы в сердцах не поминать
и позабыться чтоб.
Где взять на гнев тогдашних сил?
хоть он – позер и трус –
мою отвагу разгласил...
но и расчет, боюсь.

88.

...И знаешь ли, лет через семь
встречаю я Ольсена как-то:
иссох, как Сократ, облысел,
и весь – словно битая карта.
Советник и старец без сил,
чуть я поздоровался наспех,
он так от меня припустил –
сам черт бы за ним не угнался.

89.

Полоний, вот Гамлет –
он станет потом
пророчества скалить
над всяким шутком –
сейчас же – убийца,
зятек-книгочей –
о, как он глумится
над смертью твоей.

90.

(Грош цена ее слезам –
в миг перегорели).
Я тебе рейхсталлер дам,
погоняй скорее,
погоняй своих коней,
пьяница-возница!
(На ее любви ко мне
вздумал он жениться).

91.

Недолго же покинутой
ты оставалась... Что ж.
Но со своей Региною
я не расстанусь – врешь! –
и вспомню без раскаянья,
досады ли, стыда
и слезы твои карие
и вздохи навсегда.

92.

Шлегель, надевай очки --
честь спасать пора.
Как стоят воротнички
чопорно с утра,
как отчетливо стучит --
сердце или трость?
Девочкой ее учил --
снова довелось.

93.

Жить с дамою замужней врозь
естественно. И днесь
нет не Регину и не трость
я потерял, но честь:
бесчестью частному, вине
таинственной -- сполна --
истории, коли не мне,
принадлежит она.

94.

(ПИГМАЛИОН)

Лишь смерть и боль
тебе дарует божество,
мою мольбу
уразумев неясно --
нет, я хочу, чтоб ты была живой
и все же мраморною -- чудом
постоянства.

95.

Заметил ли Бог
во храме своем
тот легкий кивок --
расплата? заем? --
который истоме
привиделся въявь...
Фру Шлегель, не стоило
даже кивать.

96.

Пусть я, как все, всему виной
иль виноват страшней,
чем весь грядущий пережной
иль тлен прошедших дней,
иль пусть смешна моя вина,
но смейся хоть вся Дания –
Регина Шлегель для меня
отыщет оправданье.

97.

Проклятый Шлегель! Скомкан
десятый вариант
послания... Прискорбно,
что сможем мы навряд,
ну, поделиться хоть бы,
обмана не страшась:
вам – тело неохотное,
а мне – ее душа-с.

98.

Какие сны ей снятся?
Неужто снится муж? –
скорей – шитье, пасьянсы
иль пауки к письму,
к записке безответной –
ее мы вложим вот –
в послание к советнику,
как будто душу – в плоть.

99.

(СОВЕТНИК ШЛЕГЕЛЬ
И СУПРУГА)

– Ваш экс-жених изволил мне писать
и предлагать себя великодушно
в друзья семейству нашему. Он сам,
сам! снизошел до нас с подмостков,
где он в обличьи то святоши, то шута
кривляется. Мадам, извольте слушать.
В письме для вас записка. Неспроста.
И волен я по воле недоноска
ее вручить вам или нет...

– Послушай, Фриц, ты ж отослал ответ

с нераспечатанной запискою. Чуть свет.
Неужто гнев твой столь... ИЗЫСКАИ?
Не знаю я, что было в той записке.

100.

Фонарщик – он всему виной,
фонарщик и никто иной –
из-за тебя, проклятый карлик,
все обернулось полной тьмой –
в нее, как в совесть город канет,
и только фонарей мельканье
еще кромешней и темней
напомнит мне о тьме... огней.

101.

Весна. Раскаянное солнце.
В ручьях – оттаявшее сено
по свежим улицам несется.
Кругом – раскаянье – весна.
Кругом – раскаянье – развязка
зимы бестрепетной и серой.
И вязкий снег. И воздух вязкий –
его не выдохнуть сполна.

102.

Миг солнечного вечера
зимой во мгле домов.
Поддерживают вечность
столпы его дымов.
И все полно значения,
и ничего не жаль,
и дерева начертаны
на небе, как скрижаль.

103.

Деревьев изморозь
мохната:
изваянные пауки,
спускаясь вниз
с небесной ваты,
раскинув лапы суковато,

хватают низкие деньки
и пьют их света злато.

104.

Ведь в сумерках всё одинаково.
В кошачьей серости окрест
фонарщик лестницу Иакова
приставил к тьме и вверх полез,
зажег фонарь среди маскарада,
и в миг кривая клоунада
теней, невидимых в пыли,
явилась вдруг из-под земли.

105.

Жизнь коротка
как зимний день,
как взмах платка,
как взмах метели:
сегодня мокрая
метель —
она не молкнет
две недели.

106.

Восточная улица.
Конский навоз.
Недели сомкнулись,
как спицы колес
карет, фэтонов,
пролетов, телег —
легко, монотонно
сомкнулись навек.

107.

Но страсть неистребима —
ПРЕОБРАЗИМА страсть.
И если не с Региной —
тогда хоть с Музой пасть —
хоть с музыкой, хоть с Музой...
О, мой отец-старик,
еще повергнет в ужас
тебя мой первый крик!

108.

По набережной Зунда
гуляют господа.
И проплывают судна
туда или сюда.
А господа смеются,
хотя и не со зла,
поскольку твоя юность
здесь только что прошла.

109.

Книжные полки.
Блеск корешков.
Заполночь. Полдень.
Вечер тишком
входит свободно,
как в мир иной,
как к Фаусту сводник
являлся хромой.

110.

Полезные душе прогулки
оттаяли, и вот вдали —
не полицейских треуголки,
а женщины и корабли.
Весна привиделась, приснилась,
и воздух видимый дрожал,
и всё в новинку, как омнибус,
для изумленных горожан.

111.

Сумерки. Кошачья серость.
Башня ратуши. Дворец.
Крутолобый храм. И сердца
еле слышный благовест.
Пахнет проданною рыбой.
Окон вспыхнули гроши.
Лишь на западе обрывы
туч чудесно хороши.

112.

За скрытным сюртуком
по набережной людной
гуляй себе тайком –
остер и многолик –
внимательно следя
за смыслом перелетным –
игривым, как дитя,
глубоким, как старик.

113.

Короткие брючки
известны стране.
Неряшлив и скрючен
кричу я все громче,
и чем я слышнее,
тем, знаю, верней
советника Шлегеля
тайные корчи.

114.

О, да: спасенье безопасно.
И был бы я бесспорный пастор –
учил бы чинно и напрасно
своих заблудших прихожан
терпенью, главное, терпенью
и их насмешек не терпел бы,
и в страха пламени и пепле
не трепетал и не дрожал.

115.

Ах, Гамлет, утонула
в реке ЧУЖАЯ песнь.
Ах, Гамлет мой сутулый,
а ты остался здесь –
здесь на земле горбатой
казнить порок и тлен...
Но принял за отца ты
лишь собственную тень.

116.

Да, я порвал с тобою,
но ты и до сих пор —
моих желаний бойня,
моих желаний мор,
хоть занятый трудами —
в них совесть утоля,
о боли и рыданиях
лишь размышляю я.

117.

Прости мне измышленья.
Я не к тебе жесток —
к грядущим рассужденьям:
провижу между строк,
как для грядущих прихвостней,
на все прольющих свет,
ты станешь моей прихотью
случайною... как смерть.

118.

Твоя правота
так пуста, так невинна,
как детского рта
огорченная мина,
когда огорченье —
движение мышц...
Сама, как прощенье,
проста... Так прости ж.

119.

Далек твой светлый лик.
Его сиянья тенью
я стал — я свой двойник
в своих же злых мечтах —
во мраке их тщеты,
во тьме их ослепленья...
От этого и ты
вдруг просияла так.

120.

"Любви страшится он не мог
моей – он был всевластен.
И даже здесь – у этих ног
он был сильнее страсти..."
Но если муж, и вы легли? –
то думать тяжелей:
"Нет он страшился не любви,
а жалости моей".

121.

Что была ты – греза? случай?
локон? лента? –
лишь очерченная речью
стала явной:
как созвездия созвучий
неизменна,
как изменчивость – извечна,
постоянна.

122.

Не я, а только тень
от твоего сиянья
по Эстергаде – глянь –
идет согбенно, явно –
кругом народ снует,
летят насмешки мимо...
Но скоро тень обнимет
сияние свое.

123.

Ты вымышленной осени,
ты – головокруженье
листвы в последней просини,
дождей ее крушенье.
О, нет не попрекала ты
чужие наши судьбы,
Офелия с гербарием
цветов своих безумных.

124.

Сёрен, ты страшнее,
чем собственный страх.
Улыбка коснеет
на вязких устах.
Но знаю неясно,
что страсть мою, честь
отверг ты, чтоб разом
их силу обречь.

125.

Ты снилась мне не русой,
а белой, как зола.
Ты улыбалась грустно,
молчала – не звала.
Расчесывала плавно
ты волосы свои
и белоснежно падали
волос твоих слои.

126.

Магистр богословских
и прочих наук,
живу я, как злобный
крестовый паук:
спускаюсь, Регина,
к тебе с потолка –
моя паутина,
как нота, тонка.

127.

Родная боль,
люби меня,
хоть на любого
променяв,
хотя б навряд,
хотя б во лжи,
хотя б в объятиях
чужих.

128.

Сгущается книга.
Я счастлив. Я жив.
Вот замысел некий
над свечкой кружит.
Тебя не покину
в обиде одну –
утешься, Регина,
я ВСЕХ обману.

129.

Крови ли круглый ток,
рока, любимых рук
иль круговой порок –
всяк заколдован круг –
это верней орбит,
солнечнее часов –
обод родных обид,
фортуны колесо.

130.

Не скрипнувши дверью,
огня не качнув,
но не привиденьем,
не грезой ночной –
явилась вся в белом –
белей, чем зола,
оставила тело
свое и ушла.

131.

Любовь моя, мука,
годов не считай!
Простейшего звука
осталось на каплю.
Вернемся, вернемся,
вернемся, давай...
Но востром относит
речей моих камни.

132.

Его любовь ко мне? Я –
самой себя бедней:
не камень, не камеш –
я призрачней камней.
Он пишет том за томом
неведомо о ком,
а я – другая – дома
читаю их потом.

133.

Регина, ведь я
тебя сам сочинил,
сам выпил весь яд
умолчаний, чернил,
коварных речений,
нагих подоплек...
Регина, зачем ты? –
и мне невдомек.

134.

Хоть правда лжива и горда,
как недотрога,
вот вам вся правда, господа,
про веру в Бога:
была бы вера у меня
одна навеки,
я б на себя не променял
Регину Шлегель.

135.

Быть может, недопоняла
я этих хитрых строк.
И с Богом частные дела
его мне невдомек.
Желать отчаянья – абсурд:
лишь как незванный гость
оно является... и тут
не до него, небось.

136.

Октябрьская стихия.
Сухой листок в руках.
И пауки сухие
в своих сухих силках
качаются. Забыть бы
ту алчущую сыть —
когда не уловить бы,
но и не упустить.

137.

(...И был у чембало
безоблачный звук...
Ты мало играла...)
Сыграйте, мой друг,
на клавиокордах —
хоть с музыкой пасть! —
она безысходна,
как женская страсть.

138.

Ты на поруганье
нас отдал толпе —
злословия камни
придутся тебе,
меня ж будут жалить —
что хуже сто крат —
их злобная жалость,
сочувствия яд.

139.

Не меня — избави Бог —
я почти что непричастен —
не моей любви подлог,
не свое — какой там — счастье,
нет — открыта и горда —
страстотерпица и жертва —
ты возлюбишь без стыда
собственное унижение.

140.

Твоих я писем не сожгла.
Или сожгла – не важно.
Но я любила, я жила
их трепетом бумажным.
И отчего же, отчего ж,
скажи мне, отчего же,
когда от них осталась ложь,
они сто крат дороже.

141.

Сперва страшит морская влага,
и волн обрывы и овраги
бездонны, но затем они
песками дюн повторены
разумно, круто, безопасно –
за ними пусто как в Ютландской
степи болотистой – ей-ей:
вот география страстей.

142.

Поросшая шерстью,
вся в крошечных порах,
вся – шелковый шелест,
батистовый шорох –
каприз безобидный,
безраморный идол –
как я не любил ее!
как ненавидел!

143.

Вы выше раскаянья,
милостивый государь:
свободу искали –
нашли несусветную гордость.
Лишь ревность и зависть
запомнили – нет – не печаль –
а стан и глаза ее,
волосы, плечи и голос.

144.

Я – Гамлет прибрежный,
я – призрак решений
безбрежной надежды
кораблекрушений –
всегда предо мною,
Регина, Регина, –
развалины моря,
волнений руины.

145.

Берег побелел, иссох.
Высохли крушений доски.
Глыбы волн, упав в песок,
стали – вот: водою плоской.
По змеинному шипя,
отползает вал, и что же? –
остается чешуя –
бури сброшенная кожа.

146.

Твой дом из желтой охры,
вечерней черепицы –
всю жизни вокруг да около
печально я бродил:
зари коптился окорок,
и туч слетались птицы,
и зажигались окна
среди ночных светил.

147.

Суждение – обуза.
И смысл хитер, как зло.
Завидовал я музыке –
до ненависти вплоть –
за обладанье полное
без будущих утрат –
как ты играла, помнишь? –
украдкой, наугад.

148.

Страсти разруха – грех.
Страсти разруха – прах.
(Был некий древний грек:
он изваял твой пах).
В прах обратится страсть.
Похоть в застою стыда.
Это случится раз,
Раз или навсегда.

149.

Ты можешь мне
присниться вновь –
давно извне
мы стали снами –
я обниму
тебя, родной,
и не пойму,
и не узнаю.

150.

Затмения темней,
темна, как шепот брачный –
лишь лепестки ногтей
твоих еще прозрачны –
исчадь пустоты,
мой вымысел опальный,
о, нет, совсем не ты –
мне изменяет память.

151.

Так опустели сны,
словно Ютландия:
снятся мне мысли и
воспоминания.
Облик твой отмелькал –
облак остался, блик.
Памяти остров мал –
шторм забвения велик.

152.

Завидую разве
царю Соломону
за сказочный праздник
сравнений и стонов –
не крикнет Катулл,
не сокроет Овидий,
как я не любил ее,
как ненавидел.

153.

О, нет ни при чем тут
расчет, если был он –
но хоть по расчету,
а – глядь – полюбила,
вместив в это чувство
весь пыл безвозвратный...
Но знать не хочу я
житейскую правду.

154.

Покину в былом
тебя, как наважденье –
останься и в нем
одинокую тенью,
раз ты не из тех,
кому надобно всуе
знать жестокосердно,
как зло я тоскую.

155.

Прощанье длится столько лет
все непростительней и жалче –
томления анахорет –
прошу, прошу тебя нижайше:
прости мне наших судеб мрак,
хоть ты еще живешь при свете
и вспоминаешься мне так
отчетливо, как дата смерти.

156.

Горбатой иве невдомек
насколько все непоправимо.
Паденье сладостно на миг,
стремительно летящий мимо.
И всё: реки нагая гладь –
на ней лишь отблески да судна.
Офелии не осознать,
как переходит боль в безумье.

157.

Забвенье активней,
чем память. Забвенье –
вот подлинно диво
и душеспасенье.
Сон. Память коснеет.
И ныне, родная,
я даже во сне тебя
ЛИШЬ ВСПОМИНАЮ.

158.

Сон – он замкнут на засов:
как из греческого ада –
только теней смутный сонм
вылетает в явь. Не надо
снова сниться мне собой –
вся – укор, биенье крови
иль часов рассветный бой,
горечь утреннего кофе.

159.

И в церкви монтонной,
бывало, видел он –
заоблачной Мадонны
виска ее наклон
и где-то в складках платья,
под бледности золой –
последнее объятье,
последний поцелуй.

160.

Сёрен, я ведь знаю,
но знаю одна,
зачем тебе злая
чужая вина.
Ну, полно, ну полно —
себя не порочь:
раскаянье — полночь,
спасение — ночь.

161.

Ты плакала ночью.
Я видел во сне.
Ты плакала точно.
Отчетливо. Ясно.
Но не отвечал я.
Молчанью вослед
твой образ отчаявшийся
изменялся.

162.

Легка, как кровь,
как сожаленье —
едва ли кто
и след найдет:
как поводырь
у ослепленья —
как по воде
его ведет.

163.

...как слепки сна,
как глубь без брода,
как след, оставленный
на водах,
иль как последних
содроганий
поросший хмелем
дикий камень...

164.

Тяжел июльский пух
и прах метельный тяжек —
сердцебиений двух
не связан унисон.
Но тяжесть хороша,
невыносима даже —
свинец карандаша,
как осень невесом.

165.

Фридрих, опасайся
жениных волос —
сила и краса ее —
в темной массе кос:
знай, когда привычно ты
к милой поспешишь,
из лобзаний выскочит
розовая мышь.

166.

Печалиться? Уволь —
оставил нам отлив
свою седую соль,
податливую даль.
Не саж а ли бела? —
нет, берег сиротлив,
где юности смола,
застывшая в янтарь.

167.

Как злые люди
тешатся добром,
наполнить любят
душ своих пустоты,
вот так и я бестрепетным пером
пишу, таясь,
прикидываясь...
-Что ты!

168.

Но может быть – не блажь, не ложь
(интриги пруть) –
так в страшном сне перестаешь
собой быть
и лишь глядишь со стороны,
как псевдоним
бежит, а слуги сатаны
бегут за ним.

169.

Устал паяц паясничать.
Но вот последний трюк –
и если силы есть еще,
попробуйте, мой друг,
из детских слез и ужаса
перед пороком – вдруг
свалиться в бездну мужества,
как в театральный люк.

170.

И имя мое примут
двенадцать псевдонимов –
сии псевдоапостолы –
с учением моим
они пойдут по свету
толпой за мною следом,
но я приду последним
в готовый рухнуть Рим.

171.

Грядущих гроз раскат –
ты создал псевдонимы,
чтобы души распад
шел созиданью впрок –
твой метод столь грядущ,
и днесь необратимы
распад ядра и душ,
гармоний, подоплек.

172.

Оборотень трудный,
цельный лицедей,
отказавшись купно
от любви своей
в каждой громкой роли
прятал в свой отказ
удальство неволи,
боли напоказ.

173.

Мой дар неизлечим,
хоть голос невесом,
но сколько бы личин
ни примерял я всеу —
пощечиною грим
искусно нанесен...
Мой дар неумолим
к бессилью наших судеб.

174.

Как пчелы на лету,
я двигался в исканьях
рывком — а то —
на месте провисал:
биенье крыл
меня не отпускало:
то воздух был,
то я не рвался сам.

175.

Но страх смешон и жалок.
Он знал об этом сам,
хоть в ужасе дрожал он
и верил чудесам —
не устрашась подлога,
боялся он смешков:
КТО НЕ БОИТСЯ БОГА,
БОИТСЯ ПАУКОВ.

176.

Давид об этом пел,
играя на псалтири,
об этом Иов выл...
и вот он у Шекспира
находит сей рефрен
родной и древний:
It is a part of men
to fear and tremble.

177.

Мой брат завидует себе,
поскольку брат мой невозможен:
он только "НЕЧТО" – служба Божий,
прилежный пастор, но с небес
к нему ни звука не доходит.
Он тоже – черный меланхолик,
но меланхолия моя
куда черней, куда отчаяней –
я НЕКТО: вечность за плечами
и впереди – простор ея.

178.

Петер, мой праведный брат,
ни в чем ты не виноват,
все блага тебе даны
от должности до жены –
сутана, приход, налог,
полоумный сынок,
завистливой славы мираж,
меланхолия-блажь,
навязчивая родня...
и право судить меня.

179.

Стыд отвлекает... от стыда,
как страх – от Страшного Суда,
как от беспутства – суета
сует и буден –
труд отвлекает... от труда,
от бедствий – новая беда...
И потому мы никогда
вдвоем не будем.

180.

Зима не имеет названия.
И смерть не имеет названия.
Любовь не имеет названия.
Далеко ушел я из слов –
они лишь предзнаменованья
иль отблески зыбкого знанья –
добро не имеет названия,
неназванным царствует зло.

181.

Итак, я выбираю выбор.
Хоть, может быть, он сам мне выпал
на долю волею богов:
нет ни ответа, ни вопроса,
и выбор это только препасть
меж двух неверных берегов.

182.

Вот на судьбу-соперницу
заносит он перо –
сейчас она изменится:
из contra станет pro –
и выглянув из ужаса,
терзаний и угроз,
о недостатке мужества
он упомянет вскользь.

183.

Такой как есть: мальчишка старый,
мудрец во что бы то ни стало,
неряшлив, хмур и плохо выбрит,
сомненьями себя слепя,
твердя о выборе меж чудом
и злом слепым – слепым, как чувство –
ну что ж он выбрал? что ж он выбрал? –
он выбрал самого себя.

184.

Черновики черней, чем уголь,
черней и горячее зла.
Но вот белее, чем зола,

готов исторгнутый упруго
отрывок. Что острее, Эрот, —
вот мы с тобою и сравнили —
твоя стрела слепая или
мое укромное перо.

185.

О, дум моих развалины,
а не единый храм —
туда-сюда, как маятник,
прикованный к часам.
Мне гирь привычно бремя:
пусть притяженья гнет
невидимое время
от вечности спасет.

186.

Едва лишь из пеленок —
невнятен, как напев —
всезнающий ребенок,
на корточки присев,
выслушивает ясно
мои сомненья он
и откровений язвами
несколько не смущен.

187.

Гамлет, ты завидовал Лаэрту! —
за отца он в миг примчался мстить —
оттого в виду любви и смерти,
над могилой, Господи прости,
ты орал, ты лгал самозабвенно,
дрался, зависть не осознавал,
неостывший гроб топтал примерно,
как Лаэрт — задира и бахвал.

188.

Ночи караульные
с каждым днем черней.
В черных переулках
и окоченев
где-то мое мужество

прячется, как тать...
И не страшно мучиться,
скучно горевать.

189.

С утра темнеет, друг-фонарщик,
от этого в печурке жарче
горят огромные деревья,
нещадной стужей треща.
И мрак такой в твоей каморке,
что не найти и хлебной корки,
махорки нет, и не согреться
в объятых щуплого плаща.

190.

Без солнечного пота
темны мои труды.
Пустячная работа
фонарщика – не стоит
гроша. И все ж невесело
из хлеба и воды
возиться каждый вечер
с кромешной темнотою.

191.

Пусть жизнь безответна,
беспомощно чудо,
но тайным советником
быть не хочу я –
жесток и насмешлив,
но все ж – богослов:
учу вас не смешивать
чудо и зло.

192.

Я ВЕСЬ – БЕССОНИЦА И СЛУХ.
ТАК ВРЕМЯ ЧУВСТВУЕТ ПЕТУХ
И О КОВАРСТВЕ ПЕРЕМЕН
КРИЧИТ ОТКРЫТО.
НО Я И БЕЗ ТОГО НЕ СПАЛ.
ЧАС ОТРЕЧЕНИЯ НАСТАЛ.
ЧАС ИЗМЕНЕНИЙ И ИЗМЕН,
ОТЧАЯНЬЯ И КРИКА.

193.

(ПИГМАЛИОН)

Когда ты спал устало,
не обрета покой,
отчаивалась статуя
ночами в мастерской –
ну как сквозь этот холод
любимому сказать:
"Отчаянье нисходит,
как Божья благодать".

194.

Касаться устал я
небесных красот.
Приелся устам
сей лирический мед.
Иду я убого
в неведомый мир:
страданье – дорога,
а смерть – поводырь.

195.

Трусость страхом вечности
и обман – молением
в сочиненьях вещей
подменю келейно...
Вспомнил я за завтраком
ту, что дальше зова,
на кого позарилась
ты, боязнь позора.

196.

За свою отмеченность
от молодых годов
целым человечеством
жертвовать готов:
помоги мне, Отче! –
ведь само собой,
никому не хочется
быть самим собой.

197.

Красноречивый Ричард,
блестящий лицедей,
урод – скорей отречься мог
от Англии своей,
от распростертой Анны
(а как была горда),
чем от убогоданного
проклятого горба.

198.

Как искры, чтоб стремиться вверх,
так и покорный человек
рожден на то, чтобы страдать
по слову Элифаза –
внимал семь дней и семь ночей
стенаньям Иова еврей
и наконец – о, благодать! –
придумал эту фразу.

199.

Иов от жены
слышал в час последний:
"Бога прокляни
и сподобься смерти".
В жены оттого
взять тебя не мог он:
кто же у него
будет кроме Бога.

200.

Иов снес покорно
смерть своих детей
(где мои погодки?),
но не снес ей-ей
собственных страданий.
Будь же добр ко мне –
я ли обладаю
силою камней?

201.

Найти успокоенье
в бореньи, в покаяньи,
найти успокоенье
в обмане окаянном,
найти успокоенье
в отчаяньи чужом,
найти успокоенье,
которого, наверно,
ты всё же не нашел,
найти успокоенье,
найти успокоенье,
бросаясь на колени,
бросаясь на рожон.

202.

Бела ночная мгла,
как пепел, как бумага,
белей фаты бела
ночей июньских влага.
Весь законный вид
отчетлив, как решенье,
но зорь кровосмешенье
отшельнику претит.

203.

Ни зонта, ни Зунда –
всё – лишь зыбкий звук.
О своем рисунке
грезит ли паук?
Но узор воздушен,
линии легки...
Чуть взглядишься в души,
и кругом – ни зги.

204.

Что грезится слепцу
всем зрячим не постичь.
Слепых очей слезу
не путай с влагой зрячей –
из тьмы она течет...
Хотя и ты почти
не ведаешь, о чем
столь непроглядно плачешь.

205.

Взор мой, как ясность, пуст.
В горле моем темно.
Тщетно стучится пульс
в окольное окно.
Взор, как окрестность, пуст.
В горле – глубокий мрак.
Мой обозначен путь
лаем ночных собак.

206.

Непроницаемый, как царь,
извечный внешний мир:
непроницаема краса,
непроницаем миг,
непроницаема душа –
ни отсвета, ни зги...
Во всем отчаянья ища,
ПРОНИКНОВЕННОЙ лги.

207.

Да здравствует кровь чернил!
перо под суставами пальцев
костлявых... Да здравствует мир
поверхностный, небезопасный!
И сколь над собой ни глумись –
известен себе, ненавистен –
хватает, хватает на жизнь
высоких, неистовых истин.

208.

Безбрежна надежда
кораблекрушенья –
она безутешна,
ослеп ее взор:
и хоть до причала
так близко, но жертве –
но жертве отчаянья
нужен простор.

209.

Снег обесславлен.
Но весна
не принесла мне
облегченья:
ведь повторений
кривизна
граничит с брэнностью
ничейной.

210.

У ночей стучит в висках.
Сон настолько тонок –
не сокрыться, не сыскать
для него потемок:
как сквозь стекло смертный пот,
явь сквозь сон чернеет –
проведи рукой – и вст –
вновь ты вместе с нею.

211.

Не стоны агоний,
не слезная ртуть –
раскаянье – гонор,
раскаянье – труд.
Надежней лекарство
найдешь ты навряд...
Но сколько ни кайся,
ты не виноват.

212.

Рыцарь отреченья,
вычурных словес,
слышишь ли вечерний
чистый благовест? –
я не сделал зла им,
но приемлю мечь:
покаянье сладостно,
излечима честь.

213.

(ПИГМАЛИОН)

В том боль твоя, ваятель,
любитель белизны,
что жертва твоя явно
паршивее овцы.
Сам замурован в мрамор —
в незыблемый удел —
ты Галатею, право,
не видел... Проглядел.

214.

„Perissem, nisi perissem”

Ты должен погибнуть,
иначе погибнешь,
ты должен погибнуть
иначе твоя
погибель не будет
сомнительным гимном
всем ужасам буден
иль небытия.

215.

Музыка, больше знай —
всем мудрецам назло:
ты первозданный рай,
где нам не повезло —
каждый тогдашний зверь
набожен был и тих —
ты говоришь теперь
чистой гортанью их.

216.

Гудят в клавесине
древесные соки
деревьев красивых,
деревьев высоких,
дерев поднебесных,
деревьев подземных —
о, плавные песни
их листьев последних.

217.

Мир – это лишь игра на
Архангельской трубе.
Купы деревьев и храмов
посвящены Тебе.
Твой запекает кочет,
скачут к Тебе скорей
Черные Кони ночи,
Бледные Кони дней.

218.

Опять не угадали.
Всему виной года.
В отчаянье с годами
играть трудней куда.
Все явственней, темнее
его укромный труд:
отчаянье каменеет,
и камни вопиют.

219.

Ах, Гамлет, с совестью бесстрашной
на побережье бытия,
суди утопленников-граждан,
на всю пустыню вопия.
Ты прав: как измельчали судьбы,
страстей подводных закрома:
жених прикинулся... разумным,
невеста не сошла с ума.

220.

Аптекарь, сосед мой –
превыше идей.
Добрейшее сердце
и много детей,
пробирок и колбочек,
пестиков, ступ...
В груди его прочен
отчаянья стук.

221.

Средь бревен медовых
и лавок литых,
застолій дубовых,
радений простых—
добротен, как кринка
с тугим молоком —
я жил бы открыто
и умер тайком.

222.

Безответными ночами
этот книгочей,
соотечественник чаек,
не смыкал очей...
Отвернитесь же, датчане,
от него: ей-ей
в бессознательном отчаянье
жить куда честней.

223.

Бьются о фиорды
твердые суда.
Волн кочуют орды.
Дикая орда
туч чужих и страшных
движется на град...
но никто не страждет
и не виноват.

224.

Война. Забрит
лакей примерный.
Не сибарит я,
только ах —
несносны эти
перемены
в быту, в обетах,
на фронтах.

225.

Всё революций страсти.
Наемных комнат клад.
Но скоро стану пастором,
и всё пойдет на лад.

Мне нынче безопасней:
исчерпан отчий клад.
Но скоро стану пастором,
и всё пойдет на лад.

Вино. Сигара. Сласти –
всё тот же шоколад...
Но скоро стану пастором,
и всё пойдет на лад.

А то и сам опасно
ударю я в набат...
коли не стану пастором,
как мой бездарный брат.

226.

В благополучьи скандинавском
коммерческих наследник Сварг,
он говорил: небезопасна
толпа бесхитростных зевак,
пока парижские предместья,
всю серость в порох обратив,
разучивали новой песни
испепеляющий мотив.

227.

Довольно серости и черни
и в лучезарный час вечерний,
в час искренний и золотой,
где мост над затхлою водой
изогнут, словно лира – чем-то
напоминая... что? – постой,
твою мечту, твое ученье!

228.

Храма Богоматери
купол – он вдали
очень занимателен.
Не зайдете ли?
Боже, что за давка –

пав к Его ногам,
там христопродавцы
слушают орган.

229.

Над кружками высокими
дымятся рыбаки –
не сравнивать их с солью
и думать не могли –
в дыму пенковых трубок
безоблачно осев –
недвижны, точно трупы,
безгрешны, точно сельдь.

230.

– Ах, Ваше Величество,
слишком бессмысленны люди.
Они – лишь количество.
Лишь одиночеству, зная,
присущи какие-то качества.
И чем оно абсолютней
(я – об одиночестве),
тем их трудней распознать.

231.

Простите мне, мыслитель частный –
в чужую вторгся я беду.
Но не причастны вы к несчастьям,
имеющимся здесь в виду.
Простите мне мою небрежность:
у бури волны крепче скал –
я ж камушки на побережье
волнений ваших собирал.

232.

...И пусть здесь нет огня,
пусть пусто или тесно,
я – слово, и меня
не выкинуть из песни
в безродный ночи бред,
в бесспорный бред дороги,
ведущий на тот свет
копыта, когти, ноги.

233.

Простите, магистр,
мои упрощенья –
из множества истин
я выбрал прощенье.
И пусть все неведомо,
все – или-или-
вы просто не верили
и не любили.

234.

Первый осенний снег.
Оседают дома.
И что ни шаг – то след.
И что ни свет – то тьма.
И что ни жизнь – то смерть.
Он еще сам не свой –
первый осенний снег
смешан с живой листвой.

235.

Не может ливень,
что развез
всю грязь тоскливую
колес,
всех грёз ненастных
небыль
опять подняться
в небо.

236.

Чуть-чуть докрасоваться
осталось деревьям –
дорозоветь и – баста –
а вам... а вам
носить сухое платице,
коричневый чепец
да раз дарить племянницам
полдюжины колец.

237.

(ПИГМАЛИОН)

Как ни умоляй Киприд,
но мертва награда –
вот она пред ним стоит
голая, как правда.
Как просил я, Боже мой,
прямо у преданья,
чтоб она была живой,
словно ОПРАВДАНИЕ.

238.

Мороз. Зари багровый свет.
Фонарщик – черный силуэт –
он в перспективе улиц
является, сутулясь
под черной лестницей своей,
и вереница фонарей,
всегда глядящих в оба,
идет за ним до гроба.

239.

В наследственном доме
у Нового Рынка,
потом в неудобных
наемных соседствах –
бездомен я столь
отродясь, что привык я
бродить обездоленно
в каждом застенке.

240.

В покинутом доме
живут чужаки,
усевшись удобно
и сняв сюртуки...
Чужие служители
гонят с крыльца
уже нерешительный
призрак отца.

241.

Стакан вина, и Библия
раскрыта. Качка свеч.
Халат тяжелый. Било
двенадцать. Надо лечь.
Ночь входит поздно вечером
в табачный дым. Отпей.
И в Библии отмечено:
"...страшусь своих скорбей..."

242.

САППА:

Он с Богом слишком одинок,
затем и страшен так.
Он жертвовать привык, сынок,
ты испытал лишь страх.
Давно, когда великий мор
владел родной страной,
в Египте – помню до сих пор –
пожертвовал он мной.

243.

Так идут они к горам,
не снимая масок –
густовласый Авраам,
Исаак-подпасок:
Авраам, как Бог, свиреп,
и, как агнец, кроток
Исаак – послушен, слеп
до скончанья рока.

244.

Чем ближе страна, что Господь указал им,
тем более старец становится вялым.
Колышутся скалы, подпаски, ослы.
И ты, Исаак, позабудься и спи.
Глядит Авраам на вязанки бечевку:
не сжечь бы дрова на последней ночевке.

245.

Родства боюсь
я, как сиротства:
Иаков – уз
людских развал.
Всяк – тень отца...
а первородство
есть отрицание
родства.

246.

Я призрачен. Случаен.
Я – только сердца стук.
Пустоты облачает
мой холостой сюртук.
Душа без оболочки:
бесплотен плоти гнет...
Туман – мой брат молочный –
весь город обоймет.

247.

Умирает лист опальный.
Голос мой по горло сыт.
Осени исповедальня
чутко слушает мой стыд.
Осени исповедальня –
черные сутаны туч,
облетевший лес, как тайна –
явственно дремуч.

248.

Сей лик потрескан, строг,
как на картинах
старинных мастеров,
но старчески стройна –
в сединах, в кружеве –
избранница Регина
еще до ужаса
его земной кончины
навек суженому
мертвому верна.

249.

Регине Ольсен

Долгожданна навек!
Изваяние, звук!
вожделение нег,
вожделение мук –
ты – не долг, не заем,
не чертог, не тюрьма,
ты – не память о нем –
ты сама! ты сама!

250.

Качается торс
на лозе усыхающих ног.
Невиден. И что-с? –
глуховат. В сюртуке до затылка.
Сей Саванаролла –
его направляет сам Бог –
и губ ненароком
касается злая ухмылка.

251.

Один, как перст,
на склоне дней,
один, как песнь,
что лишь о ней,
один, как день –
ВСЯК ДЕНЬ ОДИН
незнамо где
среди годин.

252.

За ним и в полной тьме
тянулись тени –
и не одна, не две –
а множество теней.
Поля, где он гулял –
его застенки...
Хотя самим полям
нисколько не тесней.

253.

Бестрепетной весною,
весною без затей –
покорная за мною
моя тянулась тень.
Теперь почти отдельно
(куда она идет?)
плетусь за своей тенью,
отброшенной вперед.

254.

Опочивши, наш Епископ
чуть к святым не сопричтен.
Он святой? Да этот Минстер
мне прихода нипочем
не давал. Хоть нету больше
средств. Но, впрочем, что приход? –
каждый пастор – вор, безбожник,
спит с женою, как сапожник...
Христианство невозможно,
говорю тебе, народ.

255.

Обнаженные зубы.
Ходит острый кадык.
И слюною безумной
истекает дневник:
"Все развратники! ведьмы!
Ад им необходим!
Я один не уверовал,
я один, я один..."

256.

Апостол? Католик?... Лик
от старческой страсти гас.
Осмеян людьми, велик –
он выше властей и каст.
Устал он, устал он, как
восстанье. И стал он зол.
А злость это сильный злак,
хоть пуст его колос, квёл.

257.

Волынки рев. Кривая брага.
И тракт кремнист.
Оборван, как рассказ, бродяга –
как камня свист.
Вослед детей бежит ватага –
хорош бросок! –
но, нет, не падает бродяга
в пустой песок.

258.

Опять октябрь воет
и крутит флюгера.
Вот дерево нагое,
как дева... Но пора:
не долго будет зонтик мой
стучать в твои торцы,
мой город иллюзорный,
как девичьи красы.

259.

Так вдохни, вдохни покрепче
снега, воздуху и дня,
незнакомый ветер встречный
за неловкость извиня –
пусть уже не видно яви,
неодушевленных тел,
пусть за городом гуляет
полногрудая метель.

260.

Бутылок тридцать черного
вина осталось. Смех.
И завтра в банке счет мой
закроется навек.
Я твой прямой наследник,
кривая благодать:
рубахи нет последней
и некому отдать.

261.

Рыхлый вегер с моря подул.
Подобрал девице подол.
Раззадорил франта наряд.
Дернул в лужах – города рябь.
Наступил октябрь. Рыбаки
утонули. Волны реки,
как герой мой, двинулись вспять:
он упал – его не поднять.

262.

Он упал, но псевдонимы
мимо пасмурных зевак
дальше двинулись незримо –
в свой проулок всяк –
городских насмешек мимо
в одиночку и вразброд
разошлись, и воедино
разве слава их сведет.

263.

Я прибыл умирать,
а не лечиться, доктор.
(Епископ верно рад).
Лекарств не надо вздорных,
никчемных, как врачи –
все это – только нервы:
(ничем не излечить
конвульсий самомнения).

264.

Два госпитальных месяца.
Палаты белый мел.
И не пришла невеста.
И ангел не слетел.
Лишь сквозь сознания марлю
он зрит издалека
монахинь накрахмаленных
огромные рога.

265.

Гляди в воспоминанья не мигая,
хотя и в них она совсем другая –
чужая, позабытая... Ну, что ж:
настал тот миг, когда, изнемогая,
воспоминаний даже не вернешь.

266.

В ноябрьский день
печально умирать.
Стена дождей
за стенами палаты.
Постой, постой –
ведь был же у меня,
ведь был простор
ни в чем не виноватый.

267.

И всё ж он будет с нею вместе,
не въявь – так веру обрета:
окаменеют занавески
и, как могильная плита,
диван застынет. Всюду – стены,
предметов сгнула толпа..
И лишь они вдвоем в гостиной,
склонив друг к другу черепа.

268.

Прибрежные сосны
малы, узловаты –
к ним море несется,
как призрак возврата,
к ним ветер примчался,
к ним дюны сползлись,
их видит печально
небесная высь.

269.

Соотечественник чаек,
соприродный твердым рифам
и забывчивым песчаным

дюнам – волн беспечным рифмам,
будешь слышать все нервной,
незапамятней и чаще
дактилические возгласы
чаек в воздухе палящем.

270.

От прилива
берег тает –
дюны, ивы
и сосняк –
все водой
соленой станет –
влажгой той,
что плачет всяк.

271.

Горбатый паук
с крестом на спине –
биением мух
насладился вполне,
познал он их страх
и засох сам собой
в своих же сетях
в пыли угловой.

272.

"НЕ БУДЬ СЁРЕНОМ" –
эта фраза
звучит рефреном
и досель
в наречье датском
не к проказам
твоим – к бесстрастью
в жизни сей.

273.

Кровь встала. Затвердели веки.
Но даже труп затравлен, стар –
не ухмыльнется, не ответит
чуть выступающий оскал.
"Не будь Сёреном!" – все смеются –

вот ты уже и не Сёрен:
бескровней датской революции,
белее монастырских стен.

274.

Умер мой милый
в убогой больнице.
Дай же мне пылу
хоть помолиться.
Но беспощадно –
светел и страшен –
ангел, прощаясь,
крыльями машет.

275.

Сизифов труд окончен. В храме –
толпа хулителей. И дождь
проводит всех к могильной яме.
Зонты. Сутаны. Молодежь:
хранят студенты плод исканья.
Брат служит – тот, что отслужив,
здесь не оставит даже камня:
никто не знает, где Сизиф.

276.

Один. (Но одиночеству
учить ли чудака?)
Кругом – чужие почести,
и лишь издалека
невидимо и робко
ко гробу разве мать
холодное надбровье
придет поцеловать.

277.

Когда он умрет последним,
кто же землей бесследной,
слитком бесследной глины
кинет ему вослед? –
сгинули безвозвратно
епископ, советник, брат и
даже тебя, Регина,
поверх его смерти нет.

278.

Достопочтенный тлен и прах,
себе в утеху ли, во страх
ты Имя Божье произнес
(так пыль летит из-под колес),
но не сказал, что будет дальше...
О, лжец без фальши,
лжец без фальши!

279.

Под бронзовой карикатурой
(потрескан лик его понурый,
потерт металл коротких брючек,
известных по "Корсару" всем –
до сладострастия измучен,
на стульчик чуть присел),
под сим кумиром Пигмальону
зри надпись: "СТАРЕЦ В СОРОК ЛЕТ" ...
Не забывают миллионы
своих пророков и калек.

280.

Чтоб славою меня манил
миг ваших памятников дряблых? –
ведь самый бронзовый кумир
не бронзовее канделябра,
ведь самый мраморный болван –
свидетель иль творец историй –
не мраморней, клянусь, мадам,
чем самый туалетный столик.

281.

Чуть умер я с молвой о ней,
Регина преданней, верней
и откровенней стала:
ни сожаленья, ни хулы –
лишь похоть женской похвалы
речет ее устами,
мою оберегая честь:
де, Бога он хотел обрести
во всем сиянье истин...

Не стоит смерти этот мир –
мир проповедников-проныр
и желтых журналистов.

282.

СНЕГ БЕЛЫЙ, КАК ГОРЯЧКА,
СНЕГ ЧИСТЫЙ, СЛОВНО ПРАЧКА,
СНЕГ ВЕСКИЙ, БЕЗУСЛОВНЫЙ,
БЕССПОРНЫЙ, СЛОВНО СНЕГ,
ИЛЬ НЕБЫВАЛО АЛЫЙ,
КАК ВСЕ, ЧТО НЕ БЫВАЛО,
ХОЛОДНЫЙ, СЛОВНО ЗЛОБА –
ГЛЯДИ: ИСЧЕЗ НАВЕК.

283.

"Обнищавшее сердце мое призри".
Обнищавшую песню мою отпой.
Люди призрачны, вечны, добры и злы,
так позволь моей боли пребыть с Тобой.
"Обнищавшее сердце мое призри".
Не врачуй моих ран – лишь очисти боль!
Я хотел быть "единственным" из них –
дай желаниям лживым моим покой.

284.

"НЕСЧАСТНЕЙШИЙ"

О, Боже, я несчастней всех!
сойди в мой мрак больничный,
Бог эпилептиков, калек,
юродивых и нищих,
Бог почерневших в небе птиц,
Бог совести нечистой,
Бог пауков и кровопийц,
лжецов и атеистов.

**АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ
ВЕЛИЧАНСКИЙ**

ПОМОЛВКА

Редактор
Е.Д. Горжевская

Техн. редактор
З.С. Кондрашова

Обложка художника
В.М. Радецкого

Подписано в печать 12.11.90. Формат 60x88 1/16.
Бумага офс. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 4,9. Усл. кр.-отт. 5,15. Уч.-изд. л 4,85.
Тираж 3000 экз. Заказ № 765 . Цена 2 р. 50 к.

Издательство "Прометей" МПГУ им. Ленина
119048, Москва, ул.Усачева, 64.

Оригинал-макет изготовлен на системе
Macintosh SE в СП "Интерквадро".
125130, Москва, 2-й Новоподмосковный пер., 4

Отпечатано в московской типографии № 8
Государственного комитета СССР по печати.
101898, Москва, Хохловский пер., д. 7.

Цена 2 р. 50 к.

